

ИРИНА САВЕНКОВА

г. Николаев

**ХРОНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА
РЕБЕНКА С ОСОБЕННЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ**

В статье представлены результаты экспериментального исследования относительно объективного метода прогнозирования дизонтогенеза умственного развития детей дошкольного возраста. Экспериментально доказано, что хронометрирование позволит дифференцировать форму проявления нарушения умственного развития – умственная отсталость или задержка умственного развития. Ведущим прогностическим критерием по форме проявления дизонтогенеза умственного развития выступает собственная единица времени ребенка, выполняющая функцию «шага», которым измеряется ход пережитого субъектом времени. Как стойкая единица, хромотип обеспечивает целостность и структурность переживания времени. В случае задержки умственного развития собственная единица является стабильной, не меняется в воспроизведении различных промежутков времени. При умственной отсталости она меняется скачкообразно, в зависимости от глубины умственного дефекта. Иначе говоря, в результате скачка в психике олигофренов отсутствует собственная структура непосредственного переживания времени. Поэтому становится возможным считать, что в таких групп детей возникают трудности в усвоении временных понятий, проблемы в формировании представления о метрических свойствах времени, а нарушение ориентации в прошлом и будущем у олигофренов в большинстве определяется отклонением от аналога «хороших» часов.

Ключевые слова: собственная единица времени, хромотип, отклонение от аналога «качественных» часов, интеллект, умственная отсталость, олигофрения.

Статья надійшла до редколегії 13.03.2018

УДК 159.964.21

АЛЕКСАНДР СТОГНИЙ

г. Харьков

stognij@gmail.com

**КОМПЛЕКС АНДРОФОБИИ
КАК МЕХАНИЗМ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
ОТ ДАЙМОНА ТЕМНОЙ ФЕМИННОСТИ**

Статья посвящена исследованию теории о возникновении и функционировании психологического феномена андрофобии как бессознательного защитного механизма от принятия даймона темной феминности.

Ключевые слова: бессознательное, психогенезис, андрофобия, индивидуация, феминность, аутентичность, сексуальность, Анима, Даймон.

Общеизвестно, что термин «андрофобия» (греч. andros – мужчина, phobos – страх) был введен в научный оборот двумя психологами из США Мелвином Киндером и Коннелом Кауаном, проводившими исследования, связанные с симптомами страха мужчин. Базовая дефиниция термина обозначается как невротическая, иррациональная боязнь мужчин.

Следует отметить специфичный характер интеграции термина в научный и околонаучный лексический оборот: невзирая на популярность в языковой среде, конкретный источник нововведения термина обнаружить

нам не удалось. Многообразие интернет-пространства дает огромное количество ссылок на использование слова «андрофобия», однако в обозримой психиатрической и психоаналитической научной литературе эта тема не освещена должным образом. И это при том, что андрофобия включена в список МКБ-10 в подраздел F40.1 Социальные фобии [15].

В обширном массиве научных печатных изданий, посвященных различным формам психических и психиатрических расстройств или отклонений, андрофобия либо не рассматривается, либо упоминается лишь

вскользь [3; 5; 7]. Не лучше обстоит дело и в пространстве современной психоаналитической литературы [8; 18]. Однако нельзя не отметить, что тема женской боязни мужчин попадала в спектр внимания аналитиков и освещалась исходя из различных подходов, так и не получивших окончательно сформированной стратегии работы с андрофобией [4; 12; 19; 23; 24; 28; 31; 32]. Как феномен андрофобия рассматривается более пристально лишь в отрасли криминальной психологии, а именно в сфере виктимологии [9]. Но эта сфера в большей степени феноменологически фиксирована, нежели терапевтически ориентирована.

И все это при условии серьезной распространенности в современной сфере клиентских манифестируемых или скрытых запросов на решение и преодоление андрофобических проблем, с которыми приходится сталкиваться в консультационной практике, чем и обусловлена **актуальность** исследования.

В данной статье под андрофобией понимается иррациональное переживание страха и диктуемые им способы реагирования перед мужской гендерной идентификацией внешнего объекта, будь то половая принадлежность или набор маскулинных паттернов поведения.

В предлагаемом пространстве изучения проблемы андрофобии в большинстве случаев этиология возникновения феномена берет начало из нескольких источников:

- насилие со стороны представителей мужского пола – рукоприкладство, растление, изнасилование;
- отрицательная атмосфера в семье, вызванная ссорами и неуважительным отношением родителей друг к другу;
- взросление в женском окружении, которое сопровождается частыми нелестными разговорами о мужчинах [1].

В большинстве случаев это отражается в различных наборах проблем у женщин, варьирующихся от коитофобии и принципиальной невозможности сексуализированного контакта с противоположным полом до рекурсивных моделей неспособности создавать более-менее продолжительные или доверительные отношения с мужчинами.

Базовая симптоматика, проявляющаяся у женщин, сводится к нескольким элементар-

ным моделям реагирования, порой доходящих до висцерального уровня:

- иррациональный, вплоть до панического, страх перед представителями сильного пола;
- развивающееся ощущение невротической тревоги при нахождении рядом с ними;
- имманентная уверенность в том, что мужчина является разрушительной угрозой.

Среди предлагаемых в решении проблемы подходов доминируют:

- фармакологическая терапия, сопровождаемая работой с психологом;
- бихевиориальные методы;
- групповая психотерапия;
- когнитивно-поведенческая терапия [1].

Возникшая в нашей терапевтически-консультационной практике гипотеза ориентирована только на понимание феминных психических процессов и не рассматривает возможные проблемы проявления андрофобии у мужчин.

Суть предлагаемого подхода к пониманию проблемы андрофобии сводится к следующей гипотезе: андрофобию следует рассматривать как психологический комплекс в традиции школы аналитической психологии, который формируется и развивается в бессознательном женщины как защитный механизм Эго, неспособного интегрировать послы Даймона темной феминности психэ.

Под понятием Даймона мы рассматриваем психологический комплекс, а не единичное, сепарированное влечение или переживание, вытесняемое индивидом. Традиция терминологического использования понятия «Даймона» идет от создателя архетипической психологии Джеймса Хиллмана [28] и развита в исследовании Сандры Ли Дэннис: «В обычном английском языке, мы используем слово «daimon» как синоним слова «демон», чтобы обозначить злую силу. Это является искажением оригинальных греческих нуминозных коннотаций этого термина. Греки называли даймоном нечто среднее между человеком и богом, духа-защитника предназначенного человеку с детства, соединяющего небо и землю» [22, 16].

Сложность понимания даймонической структуры в психике человека связана с имманентным синтезом в нем инстинктивных проявлений, архетипических содержаний образа и сценария, лиминальностью и нуминозностью переживаний, вызываемых при столкновении и попытке интеграции. Даже в аналитически-ориентированной традиции понимание даймонических характеристик и посланий носит амбивалентный характер: от нацеленности на принятие – до рассмотрения их как деструктивных и негативных (одержимость Анимусом, демонический любовник, негативная Тень и т. п.) [22, 61].

Следует отметить, что не только для клиентов, но и для аналитиков, столкновение с подобными структурами в практике вызывает в большинстве случаев отрицательное отношение. Клэр Дуглас, написавшая исследование по материалам известных семинаров Карла Густава Юнга «Visions», в которых он резюмирует процессы работы с погружениями Кристиан Морган, предполагает, что Юнг в определенный момент директивно переключил внимание клиентки, не справившись с ужасом той хтонической энергии, которая проявлялась в ее видениях [30, 33].

Характеризуя даймоническое начало психики в работе, его целесообразно контейнировать в определенную образную структуру, которая отражает «онтологическую реальность сфер имагинального, где начинается мир тонкого тела и алхимического единства тела и души, где начинается трансформация» [22, 17].

С. Л. Дэнисс отмечает, описывая собственный опыт исследования даймонических переживаний, что «требуется радикальное смещение ума, чтобы встретиться с даймонами в нас самих, а тем более воссоединиться с ними» [22, 75]. Предложенная ей модель интеграции опирается на переосмысленную юнговскую модель трех обязательных стадий индивидуации, которые объединяют противоположности:

1. Unio Mentalis: объединение высших ментальных функций (духа) с миром имагинального (душой), чтобы превзойти материю (тело). Мы знаем этот феномен как «инсайт».

2. Объединение индивидуальной души / духа с телом, процесс, которому Юнг никогда

не давал названий, но я дала – Unio Corporalis или воплощение воображаемого образа в теле.

3. Unus Mundus: объединение воплощенного в теле образа с миром, или «просветление» [22, 31].

Фрустрационные состояния, ужас и боль, отвращение и одновременная притягательность, удовольствие сопровождают человека при соприкосновении к Даймону, предваряя инициатические состояния интеграции, диктуемые Самостью. Феноменологию переживаний этих процессов Э. Эдингер прокомментировал следующим образом: «То, что является преступным на одном этапе психологического развития, является законным на другом, и нельзя выйти на новый этап психологического развития, не осмелившись бросить вызов кодексу старой стадии. Следовательно, новый шаг может восприниматься как преступление и сопровождаться виной, потому что старые стандарты, старый образ жизни еще не преодолены. Таким образом, первый шаг несет чувство преступности» [29, 21–22].

Феномены феминности и связанной с ними теневой стороны исследованы в юнгианстве и постюнгианской научной традиции глубоко и многосторонне, что, однако, не исключает все того же двойного подхода: от рекомендаций интеграции в индивидуальность посылов темной феминности [11; 14; 25; 32] до необходимости противостоять и нейтрализовать деструктивность влечений [17; 13; 21; 24].

Многообразие психических феноменов, относимых к теневой структуре феминности, впечатляет:

- инцестуозные влечения,
- проявления поглощающих тенденций Темной Материнской фигуры,
- физиологические аспекты женской природы (ПМС, менструация, лактация и т. д.),
- агрессия,
- многообразие женских сексуальных желаний: садо-мазохистические потребности, аутоэротизм, нимфомания, вуаеризм, эксгибиционизм, гомосексуальные наклонности, полиандрические склонности, оргаистичность и т. д.
- эмоциональная неустойчивость или хтоничность как проявление Хаоса и мн. др.

Нередко в процессе аналитической практики приходится сталкиваться и с ситуациями, когда в сферу теневой феминности анализанты вытесняют такие, принимаемые со стороны традиционных форм Супер-Эго качества, как сенсетивность, эротизм, нежность, ласку, эмпатию и пр. Однако в случаях диагностирования андрофобии перечисленные качества в большинстве случаев носят не просто теневой характер: они конъюнктивно слиты со своими противоположностями, синтезированы в сложный комплекс, аффективно окрашенный, вытесняемый и блокируемый как даймоническое начало.

Приемы работы, ориентированные на интеграцию Тени оказываются либо малоэффективны, либо вообще не эффективны. Эго сопротивляется интеграции с многомерностью Даймона, сталкиваясь не только с пароксизмами андрофобии, но и с активацией аутодеструктивных тенденций в переживаниях и поведении анализантов.

Зародившаяся гипотеза о том, что андрофобия является защитным механизмом для Эго с целью избежать принятия собственной феминности, вытеснение в теневую сферу аспектов потребностей аутентичной Анимы, в эмпирическом процессе ведения групповых и индивидуальных занятий оформилась в четко фиксируемую для наблюдения тенденцию.

Среди более чем двух десятков клиентских запросов с актуальной жалобой на проявление различных форм андрофобии было выделено несколько наиболее характерных для изучения предполагаемой гипотезы.

Клиентка Л. обозначила невозможность выстраивания долгосрочных отношений с мужчинами и яркий страх перед ними, особенно в сфере физического контакта. В травмограмме были выявлены несколько групповых изнасилований в раннем детстве. Как показали проективные методики, Аутентичность Л. проявилась как гетериальная фигура. Инфантильное Эго не справилось и не смогло придать конструктивное направление архетипическому посланию внутреннего ребенка, стремившемуся проявиться. Не обладая поддержкой и доверительным пониманием со стороны родителей, будучи ребенком, Л. признала, что сама спровоцировала

ситуации насилия, при этом второй случай ею был принципиально повторен.

Клиентка К. обратилась после развода, объяснив, что многие годы терпела отношения, избегая всячески интимной близости с мужем и на этапе обращения не могла строить отношения с мужчинами, рассматривая их как потенциальных насильников. В травмограмме были выявлены: сцена публичного унижения матерью перед отцом за раннюю мастурбацию ребенка; домогательства инвалида, который вынуждал ее, когда ей было 5-6 лет, ласкать его в тайне от взрослых. Описываемые события вызывали у К. смесь удовольствия и отвращения, которые она не позволяла себе испытывать в отношениях с мужем и категорически отвергала в возможности предъявления мужчинам.

Другая анализант О. обратилась с проблемой панических атак при приближении мужчин, невозможностью вести интимную жизнь и создавать отношения. В травмограмме был обозначен садистичный отец, который жестоко относился к дочери, и в дальнейшем у нее возникло стойкое отвращение к мужской физиологии после того, как она случайно увидела обнаженного папу. Все аспекты собственной сексуальности отвергались как низкие, животные, греховные и даже само слово «секс» мгновенно вызывало отвращение и даже невозможность его произносить вслух.

Еще одна клиентка Т. обозначила, что на протяжении более 35-и лет так и не смогла выстроить ни семейные, ни личные отношения ни с одним мужчиной, каждый из которых (всего их было трое) оказывался для нее тяжелым испытанием, и в результате выбрала для себя модель принципиального отстранения от мужчин, полностью посвятив себя профессиональной реализации. Самые тяжелые воспоминания детской поры были связаны с жестокостью отца и безучастностью матери.

Характерной чертой большинства этих и других историй при начале анализа была идеализация Материнской фигуры. Наряду с этим прослеживается либо демонизация Отца как жестокого тирана, либо обесценивание как безвольного, слабого мужчины. Принципиально, что в процессе аналитической

работы, выявлялось, что в большинстве случаев материнская фигура оказывалась холодной, отстраненной, безэмоциональной, нередко асексуальной, блокирующей, а чаще нигилистически пресекающей все проявления эротизма со стороны дочери. И в большинстве случаев начало симптомов формирования комплекса андрофобии в онтогенезе приходилось у анализантов на период подросткового полового созревания при столкновении с инцестуозными влечениями, которые, в силу отсутствия компетентности и конструктивного сопровождения со стороны родительских фигур, активно попадали в сферу вытеснения, вместе с чем блокировалась большая часть эротически-сексуальной сферы психэ индивида.

Мужская фигура, тесно связанная с отцовской в подростковом возрасте, превращалась в разрушительного инициатора предъявления собственных эротических стремлений и проявлений. Таким образом, в бессознательном формировался амбивалентный образ темного Анимуса [11, 24], который способен извлечь в сферу сознательного личные влечения и тем самым заставить встретиться с непреодолимыми чувствами стыда, вины и осуждения со стороны образа Великой Темной Матери. Анимус в восприятии этих женщин обретает выхоленные, subtlyно-правильные черты, напроць лишенные реалистичности. И одновременно холосность психики инициировала столкновение и рекурсивное самонаказующее воспроизведение влечений к мужским фигурам, олицетворяющим все негативные черты, ожидаемые страхи. Ретравматизация актуализировала и усиливала андрофобию как средство блокирования, механику вытеснения и ухода от принятия и осмысления собственных влечений. Феномен самонаказания за вытесняемые аспекты влечения Анимы хорошо исследован в аналитической литературе [4; 12; 14; 17; 26].

Следует отметить несколько характерных черт, проявляющихся на уровне психосоматики по результатам опроса анализантов:

- выраженные черты ангедонии, отражающиеся в повышенном болевом пороге (снижение чувствительности), притупленность вкуса и общие дистимные черты характера;

- невозможность достижения оргазма во время мастурбации, воспринимаемая нередко как аноргазмия;
- заболевания связанные с гинекологической сферой.

При этом был отмечен очень интересный феномен соматики: практически все анализанты фиксировали повышенную остроту обонятельного восприятия. Возможно, этот феномен связан с аспектом проявления Самости, которая стремится восстановить целостность психики любыми доступными ей способами, включая активацию функционирования якобсонового органа – небольших кармашков, в основании носовой перегородки, которые отвечают за восприятие мозгом феромонов [10, 89]. Однако эта тема требует дополнительного изучения с привлечением медицинских методов обследования и выходит за пределы этой статьи.

В терапевтических стратегиях работы с обозначенным кругом анализантов акцент делался не на адаптацию к проявляющимся симптомам андрофобии (что не исключалось для снятия первичной повышенной тревожности), а на исследование сферы заблокированной Анимы и ее потребностей. На первом этапе проективного диагностирования [2] определялся круг первичных вытесняемых сексуально-эротических влечений. На втором этапе через методику активного воображения, имагинальные переживания из бессознательного синтезировался и констеллировался образ Даймона темной феминности как сложный индивидуальный комплекс. На этом этапе отмечались самые сложные моменты обострения сопротивления: отвращение и отрицание, выявленных влечений. Далее индивидуально подбирались комплекс нескольких методик интеграции в сознательную сферу и поиска конструктивной, созидательной реализации Даймона: скриботерапия, имагинация, телесно-ориентированные приемы, драматерапия, арт-терапия и др.

Стабилизация, наступающая даже после частичной интеграции в сферу осознаваемого Даймона темной феминности, активно способствовала снижению всей симптоматики андрофобии. Большинство анализантов продолжают находиться в консультационном взаимодействии и процессы наблюдения

продолжены. Симптоматично, что у всех наблюдается смена риторики сновидений от переживания кошмаров от преследующей мужской фигуры к продуктивному взаимодействию с ней, что свидетельствует об эффективности методики глубинной трансформации. В качестве примера может выступить сон клиентки Регины, которая больше полугодом находится в терапевтическом процессе. До этого она работала более пяти лет в методике психоанализа с целью преодоления суицидальных тенденций, при этом находясь в морально и психически подавляющем ее браке. После расторжения брака выстраивание новых отношений повлекло массу травматических переживаний, вплоть до столкновения с садистическими склонностями со стороны мужчин. Проводимая терапевтическая стратегия выравнивала уровень самооценки, избирательность и целенаправленность контактов с мужскими фигурами. Сновидение, рассказанное Региной, оказалось ретроспективным в свете анализа формирования травмограммы, механик вытеснения и символического содержания в принятии Даймона темной феминности:

«Снилось, как будто я прохожу то ли конкурс, то ли инициацию на звание настоящей женщины. У нас было много девушек, были какие-то испытания. Я точно помню, что в конце прошло двое – я и еще одна очень-очень красивая девушка. И последнее испытание, не помню, как все остальные, но последним завела какая-то пожилая женщина, ведьма, старуха, матриарх, что-то такое. И по жребью выпало, что я буду второй. И я пока пошла готовиться, и я видела, что произошло с первой девушкой. К ней привели человек 6 или 8 мужиков, разных, но в основном они были очень большие, очень какие-то агрессивные. То, что называют настоящей мужественностью. И они должны были ее насиловать по очереди. И я не помню эти условия. Или они были должны проявлять агрессию по отношению к ней, или просто ей надо было с ними спать. Я помню последствия. Я подошла, меня это очень испугало, потому что с моими проблемами, с вагинизмом, со всякой такой фигней я боялась, что он включится и они меня покалечат. Поэтому я хотела перестрахо-

ваться, создать условия и все остальное. Но я подошла к этому углу, матрасу, лежанке, на которой лежала эта девушка. Я подошла и увидела, в каком она состоянии. Она была вся покрыта бинтами практически. И смотрела остекляевшим взглядом перед собой, не реагируя ни на что. Рядом с ней суежилась эта ведьма, говорила, какая она молодец. И уже собиралась готовить меня. И я поняла, что не хочу в этом участвовать. Пусть даже я никогда не выиграю, несмотря на то, что это было прелесно, что я дошла до финала, до звания лучшей женщины, настоящей женщины. Но такого насилия над собой не потерпела бы. И я сказала, что я ухожу. Я не буду участвовать».

(Еще на первых сессиях подробно рассматривался аспект влияния материнской фигуры в подростковом возрасте Регины на формирование отрицательного отношения к сексу, на обесценивание мужских фигур по принципу «им только одного надо!», запрет на проявление сексуальных моделей поведения, игнорирование переживаний связанных с пробуждением эротизма. Несомненно, что в образе пострадавшей девушки мы сталкиваемся с образом травмированной Великой Темной Матерью Анимы, которую атакуют навязанные страхи и угрозы. Символическая форма деструктивного посыла формирует устойчивую модель андрофобии и одновременно тотально блокирует полиандрические влечения, часто встречающиеся у клиенток и хорошо описанные в аналитической литературе) [13; 14; 17].

Она сразу это приняла, но еще как-то пыталась уговорить, спорить. Потом я помню, что я пошла, за мной кто-то пришел. Парень или девушка, ну мужчина или женщина, я не помню, помню, что какой-то друг за мной пришел.

(Бессознательное формирует защитный комплекс в виде бесполой фигуры, якобы оберегающий от наказания)

Я попросила, чтоб меня забрали, потому что я понимала, что одну меня не отпустят, и я ушла. Я еще сначала шла не спеша, но потом я поняла, что ведьма эта возможно будет за мной погоню отсылать. Мы тогда побежали по каким-то холмам, через трамвайные пути.

И потом за нами послали погоню. И среди этой погони был парнишка очень молоденький, очень сильный маг.

(В сновидении проявляется фигура Анимуса, которая ранее в проективных методиках была диагностирована как Маг).

Тут дальше пойдет сюр. Он очень сильный был, очень молодой, красивый парень такой. И я помню, он нас догнал на чем-то типа рынка или автобусная остановка, было довольно много людей, и он еще с нами забавлялся, он сделал так, что те люди перестали двигаться, ему могли сопротивляться только люди с магическими способностями. И, как оказалось, я тоже могу ему сопротивляться. Потому что он там резвился, отрывал руки-ноги, там везде была кровь, фонтаны крови, огня. Этот парнишка развлекался, он не считал людей за людей, если они не могут ему сопротивляться.

(Очень интересное описание поведения, совпадающее с описанием внечеловеческого отношения к морали с позиций ницшеанского Сверхчеловека, в описании преданий об архетипической фигуре Мерлина, который устраивал кровавые представления при дворе короля Артура) [16].

И я точно помню, что он еще подошел ко мне и сказал: я же велел вам всем улыбаться, почему же ты не улыбаешься? А я понимала, что у меня на лице другая гримаса. И я очень агрессивно настроена. И я не молчала, я могла говорить, в отличие от других. И он еще очень удивился, сказал, что, значит, вот так, значит, ты чему-то научилась у этой ведьмы. Я сказала, что я очень хорошая ученица, я очень старалась.

(Происходит постепенная интеграция Даймона темной феминности, хоть и не поступающего визуально, но активно транслирующего черты кровавой жестокости, беспощадности, откровенной агрессии).

И он как-то проникся ко мне уважением, сказал, что типа, я не буду тебя убивать, пойдем со мной. Я еще тоже помню, что он мне тоже очень понравился, несмотря на всю эту жестокость. Я даже думала с ним уйти, но потом появился какой-то другой мужчина, друг, по-моему, я уже не помню, или родственник, который говорил мне, что типа, это же

убийца, что же ты, вообще подумай своей головой. И я понимаю, что, да, это убийца, и нет, на самом деле я с ним не пойду, но он мне понравился, короче, я в нем увидела что-то человеческое, что-то живое. Несмотря на его жестокость, на то, как он себя вел, как он расправился с этими всеми людьми. И мне почему-то очень хотелось показать ему то, что в нем что-то это есть. Помимо этой жестокости, возможно, выученной. И я не помню дальше, кусками пошло. Мы оказались в доме моих родителей. И там что-то происходило, готовилась какая-то свадьба, что ли.

Подготовка к застолью в доме моих родителей я учу какую-то молоденькую девочку готовить.

(В образе девочки явно проступает фигура инфантильно-уязвимого Эго).

Мы какой-то салат режем и рассказываю, что вот ингредиенты, сейчас мы с тобой что-нибудь придумаем, только не режь помельче, все рассказываю ей, все объясняю. А потом меня кто-то начинает сбивать и в итоге я почему-то кладу этот салат на сковородку, а потом заливаю его водой. И я не понимаю, что я вообще сделала и зачем, пытаюсь как-то что-то изменить, но в итоге из этой сковородки вываливается месиво сгоревшее, хотя я не знаю, как оно так успело в принципе, спасти было можно, так как салат был еще без заправки. Слить воду, высушить ингредиенты и все было бы нормально. А почему-то вылилась такая черная, как коврижка, все уже спеклось, спрессовалось, все было горелое. И другой кусок.

(Вода, как символ стихии чувств, оказывается непосильной, разрушительной энергией для созидательного, но еще инфантильного либидиозного влечения, чувства перегорают и превращаются в алибидиозные).

Я должна была пойти в другую комнату накормить своего отца, но это был не мой папа, который вот сейчас. Это какой-то странный образ был. И я пошла, и он, еще помню, почему-то домогался меня, пытался домогаться. А я понимала это, но для того, чтобы уйти, я стала подыгрывать, чтоб он потерял бдительность. Потому что если б я начал сопротивляться, он включился б в агрессию, скорее всего. И я решила подыграть

ему, чтоб он потерять бдительность. И я еще помню, у меня был балончик с золотой пищевой краской. И я еще показывала ему, что золотая краска, она не только для тортов годится. Можно делать другие красивые вещи с телом. И я покрывала свое тело через трафареты золотой краской. У меня на бедрах, на ногах появились золотые цветы. Я вот это помню. Очень красиво. И я еще почему-то была на высоких очень красивых шпильках и то ли в коротких шортах, то ли в короткой юбке, помню голые ноги свои, золотые цветы через трафарет, как он на меня смотрит и как я просто ухожу.

(Тема табуированных инцестуозных влечений с внутренним стремлением к реализации метапсихического символа иерогамии, понимаемого в алхимической традиции аналитической психологии как божественный союз, порождающий Самость) [6; 31].

В другой комнате, не в той, в которой были мы. А в той, в которой были мы, было трое – я, этот парень, который убийца, который маг, и еще один парень.

(В образе третьей фигуры продолжает выявляться фигура защитного комплекса, которая, якобы служит защитой и транслирует «здравый смысл», опираясь на табуирующие посылы Супер-Эго).

И этот, и другой парень, который пришел сказать, так и так, и этот парень, который молоденький маг, сказал, что типа а теперь я, ну ты готова умереть? Я говорю: посмотрим. И говорит: я хочу с тобой сразиться. И каким-то образом у него появился шприц с веществом, которое усиливает магические способности. И он еще говорил: хочешь, будем драться на равных? И я вколола себе дозу, почувствовала прилив магических сил, а потом я поняла, что я могу с легкостью его победить. И он улыбался и просил еще и еще дозу. Сначала я думала: ты же себя сейчас убьешь, а потом поняла, что он хочет себя убить. Он не хочет меня убивать, он хочет себя убить. И я поняла, что это как-то связано с тем, что я не захотела быть с ним. И он смеялся, улыбался, и просил еще и еще дозу, потом говорил: нет, хватит. Но я уже вошла во вкус. Колола ему все новые, новые дозы.

(Теневой аспект феминности Регины заключается в мощном фасилитационном эмоциональном влиянии на мужчину, вплоть до стремления его поглотить и подчинить в слиянии своим переживаниям, растворить в своих эмоциональных состояниях).

И в какой-то момент его магия переключилась через него, он перестал ее контролировать. И я сейчас об этом рассказываю, и у меня почему-то слезы по лицу текут. Мне очень хотелось на самом деле с ним остаться, потому что, не знаю, как-то он мне очень понравился, но вот этот голос друга, это был больше голос здравомыслия, можно так сказать, это то, как было бы правильно. Потому что неправильно быть с опасным магом, убийцей, он возможно там, не знаю, нестабилен еще что-то, но я почему-то ему поверила. Ну так вот. Не важно. Когда я его уже обколола этими препаратами для повышения магических способностей, от которых он должен был умереть, я помню, как он сам меня отпустил. Он взял меня на руки очень бережно, аккуратно, обнял. Мы были, я ж говорю, в квартире моих родителей почему-то. И через балкон с пятого этажа он просто слетел и поставил меня на улицу и отпустил меня. Тогда, когда он уже понял, что он умрет, что ему не выжить. Он просто меня отпустил.

(Произошло частичное принятие Даймона темной феминности и отказ от глубинной демонизации темного полюса Анимуса, а как следствие – мужчин).

Исходя из всего вышеизложенного мы предполагаем, что андрофобию следует рассматривать как устойчивый, полиморфный защитный комплекс, нацеленный на вытеснение и запрет феминных влечений Анимы, которые с вымещаются в Теневую сферу психики, где трансформируются с течением времени в фигуру Даймона.

Многие аспекты еще требуют изучения, например, такие, как роль патрибогенеза [20], а не только онтогенеза, в формировании андрофобии, т. к. такие случаи уже наблюдаются, когда в личной истории клиента нет травм, предполагающих развитие боязни мужчин, а симптоматика есть. Апробация теории продолжается в практике терапевтической работы.

Список использованных источников

- [Электронный ресурс]. URL <https://liqmed.ru/disease/androfobiya/>.
- Беллак Л., Эбт Л., Проективная психология. М. : Психотерпаия, 2010. 416 с.
- Блейхер В. М., Крук И. Толковый словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: https://www.e-reading.club/chapter.php/6695/6/Bleiher%2C_Kruk_-Tolko_vyui_slovar%27_psihiatricheskih_terminov.ht ml.
- Вудман М. Сова была раньше дочкой пекаря. Ожирение, нервная анорексия и подавленная женственность. М. : Когито-Центр, 2011. 176 с.
- Доморацкий В. А. Медицинская сексология и психотерапия сексуальных расстройств. М. : Академический проект; Культура, 2009. 470 с.
- Дроб С. Каббалистическая психология [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: http://mifologies.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=254:2010-07-03-18-09-50&catid=57&Itemid=67.
- Жмуров В. А. Большой толковый словарь терминов психиатрии, 2010 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: <http://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/kniga-bolshoy-tolkovyy-slovar-terminov-psihiatrii>.
- Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : «Когито-Центр», 2008. 336 с.
- Ившин В. Г. Виктимология: учебное пособие. М. : Волтерс Клувер, 2011. 264 с.
- Ильин Е. П. Психология любви. СПб. : Питер, 2017. 336 с.
- Калшед Д. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа. М. : Академический проект, 2001. 368 с.
- Коуэн Л. Мазохизм: Юнгианский взгляд. М. : «Когито-Центр», 2005. 159 с.
- Кэмпбелл Дж. Богини М. : Клуб Касталия, 2016. 306 с.
- Леонард Л. Ш. Встреча с безумной женщиной: жить, преодолев страх, гнев и обиду. М. : Независимая ирма «Класс», 2013. 376 с.
- МКБ-10 [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: <http://apps.who.int/classifications/icd10/browse/2016/en#/F40.1>.
- Монмутский Г. История Бриттов. Жизнь Мерлина. М. : Наука, 1984. 288 с.
- Мур Т. Душа секса. М. : Клуб Касталия, 2015. 292 с.
- Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Б. Мура, Файна. М. : Класс, 2000. 304 с.
- Сагайдак А. Н. Архетип Кассандры как основа комплекса жертвы в женской психологии [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: <http://teuring.org/arhetip-kassandry/>.
- Сагайдак А. Н., Стогний А. А. Патрибогenez в теории и практике глубинной психологии // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XX международной научно-практической конференции: «психологическая наука и образование». Сборник со статьями. М. : Научный журнал «Chronos», 2017. С. 43–51.
- Сайкс Э. Л., Молтон Д. М. Четыре вечные женщины. М. : Клуб Касталия, 2017. 300 с.
- Сандра Ли Дэннис Принятие Даймона. Исцеление через тонкое энергетическое тело: юнгианская психология и темная феминность. М. : Клуб Касталия, 2017. 238 с.
- Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. М. : Просвещение, 1989. 448 с.
- Ханна Б. Анимус. М. : Клуб Касталия, 2016. 346 с.
- Хардинг Э. Женские мистерии. М. : Клуб Касталия, 2016. 250 с.
- Хиллман Дж. Архетипическая психология. М. : Когито-Центр, 2006. 351 с.
- Хиллман Дж. Внутренний поиск: Сборник работ разных лет. М. : Когито-Центр, 2004. 335 с.
- Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. М. : Б. С. К., 2004. 298 с.
- Эдингер Э. Эго и Архетип. М. : Клуб Касталия. 2015. 344 с.
- Юнг К. Г. Visions (Семинары). Т. 1 М. : Клуб Касталия, 2015. 316 с.
- Юнг К. Г. Символы трансформации М. : Академический проект, 2017. 529 с.
- Янг-Айзендрат П. Ведьмы и герои: Феминистический подход к юнгианской психотерапии семейных пар М. : Когито-Центр, 2017. 268 с.
- Douglas, C. : Translate this Darkness: The Life of Christiana Morgan [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: <https://www.livelib.ru/author/482886-kler-duglas>.

ALEXANDR STOGNIY

Kharkiv

COMPLEX ANDROPHOBIA AS A MECHANISM UNDERSONAL PROTECTION FROM DIAMOND DARK FEMINITY

The article is devoted to the study of the theory hypothesis about the origin and functioning of the psychological phenomenon of androphobia, as an unconscious protective mechanism from the acceptance of the dark femininity daimon.

Key words: unconscious, psychogenesis, Individuation, femininity, authenticity, sexuality, Anima, Daimon.

ОЛЕКСАНДР СТОГНИЙ

м. Харків

КОМПЛЕКС АНДРОФОБІЇ ЯК МЕХАНІЗМ НЕСВІДОМОГО ЗАХИСТУ ВІД ДАЙМОН ТЕМНОЇ ФЕМІННОСТІ

Стаття присвячена дослідженню теорії про виникнення і функціонування психологічного феномена Андрофобія як несвідомого захисного механізму від прийняття Даймона темної фемінності.

Ключові слова: несвідоме, психогенезис, Андрофобія, індивідуація, фемінність, автентичність, сексуальність, Аніма, Даймон.

Стаття надійшла до редколегії 09.04.2018